

Когда поэзия касается сердца...

4 марта в читальном зале городской библиотеки прошла творческая встреча читателей с мурманским поэтом, прозаиком и переводчиком Николаем Колычевым, автором 18 поэтических книг, участником многочисленных поэтических сборников, членом Союза писателей России. **Материал читайте на стр. 6.**

Фото Ирины Рогозиной.

Автографы от Николая Колычева захотели получить многие мончегорцы.

Когда поэзия касается сердца...

Николай Колычев на встрече в Мончегорске.

С творчеством мурманского поэта, прозаика и переводчика Николая Колычева я знакома со школы. Сказать, что его стихи (а первым в мои руки попал его поэтический сборник «Звонаря зрачок») не оставили моё сердце равнодушным – не сказать ничего... Они потрясли своей пронзительностью, красотой и невероятной образностью слога, глубиной мысли поэта. И вот Николай Колычев едет в Мончегорск. Об этой творческой встрече я напишу не как журналист, а как простой читатель, через стихотворные строчки прикоснувшийся к большой, доброй душе великого человека...

До городской библиотеки, где должен был проходить литературный вечер, я шла пешком. Даже не шла, а бежала. Не потому, что опаздывала – просто настроение было радостное, летящее. Увижу и услышу Колычева! И увидела его чуть раньше, чем предполагала – на улице у ступенек библиотеки. Подошла к нему, поздоровалась, сказала, что иду на творческую встречу. Николай Владимирович улыбнулся – широко, открыто, светло: «Да? Я рад. Повеселимся!».

Захожу в читальный зал, радуюсь, что места все заняты. Входит Колычев, неся с собой гитару. Его представляют, перечисляя множество премий, которыми он награждён. В числе наиболее значимых – Большая литературная премия, литературная премия Баева – Подстанецкого, московская премия «Золотое перо России», премия «Ладога» имени А. Прокофьева (Санкт-Петербург), премия «Неизбывный вертоград» имени Н. Тряпкина и библиотечная премия «Открытая книга» как самому читаемому поэту Мурманской области. Тут же следует вопрос: какая из этих наград более всех значима для самого поэта?

– Библиотечная премия «Открытая книга», – чуть помедлив, отвечает Колычев. – Когда видишь свои книжки в библиотеках – потрепанные – понимаешь, что тебя читают. Для поэта это очень важно!

Действительно, Николай Колычев не обделён читательской любовью, а вот со стороны литературных критиков он нередко слышит слова порицания за определённую социальную направленность своих стихов.

– Начинал я как поэт-лирик, – говорит Николай Владимирович, – писал, следуя традициям классической русской поэзии. Много было даже подражательных ноток: и есенинских, и рубцовских. Писал так, как

мне нравилось. Как бывает у актёров: сыграл роль героя-любownika, и потом зрители и режиссёры его видят только в таком амплуа. И когда я начинал писать другое, не лирическое, слышал критику: «Пиши, как писал». Но человек ведь меняется с годами. И мне хотелось говорить что-то другое. И я бы хотел, чтобы многие мои стихи так называемой социальной направленности устаревали. То, что я написал 15-20 лет назад, сегодня не звучало бы актуально. К сожалению, этого не происходит.

Колычев берёт в руки гитару и делает небольшую ремарку: «Раньше, в перестроечные годы, я ненавидел власть. Мне казалось, что она ограничивает свободу, которой так мне хотелось. Сейчас, став намного старше, я понимаю, что безвластие – ещё хуже». А потом небольшую литературную гостиную наполняют звуки гитары и тихого, чуть с хрипотцой голоса поэта:

*«Ошибаться не грех,
только наши ошибки нам впрок ли?
За спиной на дороге
не скоро уляжется пыль...
И взглянул я назад.*

*И неясное прошлое проклял.
И грядущее этим поспешным
проклятьем убил.*

*Всё проходит, но память жестока
и неумолима,
Ничего не исправить в былом,
ничего не забыть.*

*Я теперь понимаю,
что слишком хотел быть любимым,
Потому и не мог до сих пор
бескорыстно любить.*

*Я теперь понимаю,
что нет абсолютного знания,
Что великая мудрость подобна
схождению с ума.*

*Я теперь понимаю: нельзя
перестраивать зданье,
Если жить больше негде,
а в двери стучится зима.*

*Я теперь понимаю,
что нет абсолютного счастья,
А тем более счастья,
построенного на крови...*

*Я не верил во власть,
а теперь я не верю в безвластье,*

*Я не верил в любовь,
а теперь не могу без любви».*

Колычев откладывает гитару и возвращается к теме актуальности гражданской лирики:

– Спросите любого ребёнка: «Кто самый красивый на свете?» Он ответит: «Мама». Мне приходилось выступать перед разной аудиторией, в том числе и в детских домах, – продолжает поэт. – И казалось бы, у этих ребят, попавших в детдом, есть все основания ненавидеть родителей, но все они мечтают, чтобы за ними пришла родная мама. Вырастают многие и помогают матерям, в каком бы те состоянии ни были. Я думаю, что такое отношение и должно быть к маме, к Родине, когда в любой ситуации – в хорошей или плохой – мы их любим.

Затем Колычев читает одно из моих любимых стихотворений (*привожу его в сокращённом варианте*), а я, оглядываясь на задние ряды, замечаю, что у некоторых слушателей (среди пришедших было довольно много школьников) глаза становятся влажными от слёз...

*О Родина! Что с нами будет дальше?..
О Господи! Страшнее смерти – жить...
Стоят и плачут девочка и мальчик.
Пьяней вина меж ними мать лежит.*

*Они стоят, пугливо озираясь,
Её позор пытаясь заслонять.
И пыжится, с карачек поднимаясь,
Растрёпанная, спившаяся мать...*

*...А детская любовь не знает срама.
Вцепились в мать, глядят машине вслед...
Всем – пьяница. А им – родная мама,
У них другой на белом свете нет...*

*...А мать на них глядела обалдела
Без разума, без чувства, без души...
И всё-таки с трудом воздела тело,
Досадуя на то, что надо жить.*

*...Её под руки дети уводили.
Нетвёрдо шла, покачиваясь, мать...
Когда бы мы Россию ТАК любили,
Тогда бы мы смогли её поднять!*

Один из вопросов, которые традиционно задают любому поэту: как пишутся стихи? Этот вопрос не прозвучал на мончегорском

творческом вечере, потому что Колычев сам говорит об этом:

– В моём окружении много творческих людей: художников, поэтов, композиторов. Они тоже иногда спрашивают: «Когда лучше творится?» Почему-то у всех лучше творится ночью, когда луна за окном, звёзды. Кажется, вот оно – вдохновение. Не знаю... У всех по-разному.

И вновь возвращаемся к теме родительства... У Колычева спрашивают, сколько у него детей. И он искренне отвечает, что «по паспорту – четверо», и признаётся, что совершал в жизни много ошибок, вследствие которых отношения с сыном натянутые. Тема эта – довольно болезненная для поэта, многие годы тревожащая сердце. Наверно, поэтому в его творчестве есть стихи, лирическая героиня которых – дочь, обращающаяся к своему отцу. Николай Владимирович читает их (*также привожу стихотворение в сокращённом виде*):

*Где те подушки, в которых высохли
все мои детские слёзы?
Выплакана обида – до последней капли.
Я давно уже не срываю бороды
с Дедов Морозов,
Надеюсь, что это ты, папа...*

*Знаешь, сегодня такая дрянная погода,
Такое тоскливое серое небо...
Я не тебя проклинаю, а годы,
В которых тебя у меня не было...*

*...С мамой не сладилась жизнь?
Ну, ладно...
Всё понимаю. Сама уже взрослая.
Ты виноват... Она виновата...
Меня-то за что ты бросил?*

*Ты ушёл – и кончилось моё детство.
Всё кажется – я бы могла тебя
остановить...*

*Ты стал пустотой.
Стал сквозящею дыркой в сердце!
А нужен-то – только маленький лоскуток
твоей любви!*

*Я до сих пор вымаливаю тебя у Бога,
Хотя давно от тебя ничего не надо.
Только приди – нищий, больной, убогий...
Буду рада...*

Конечно, не могли не коснуться в разговоре и темы поэтических переводов. Николай Колычев переводил с финского, сербского, удмуртского и казахского. Он пояснил, что, даже не зная языка, можно делать перевод, и привёл несколько примеров перевода с подстрочником.

– Мне дают подстрочник финского поэта Мартти Хюнюнена: «Я родился, и кто-то держал зеркало перед моим ртом, так я делаю и до сих пор, но пришёл ветер с севера над белыми полями, камни по кромке поля, как тяжёлые бусы украшенья», – читает Колычев. А вот как выглядит художественный перевод мурманского поэта:

*Рождение...
Дыхание на зеркале,
С тревогой поднесённом мне ко рту.
И зеркало туманилось и меркло,
То ль я дышал, то ль белый ветер дул.
Дышал ли я?
Или вздыхало поле?
Но сквозило снега
Мне виделось во мгле,
Что камни –
Ожерелья белой боли
На глотках остывающих полей.*

Не знаю, как вам, а мне художественный перевод Колычева нравится гораздо больше оригинального стихотворения. Много ещё стихов звучит в этот вечер. На исходе второй час творческой встречи. Пора расставаться. Для меня эта суббота служит поводом вернуться домой и ещё раз перечитать любимые стихи. А для кого-то приезд Колычева в Мончегорск, возможно, – первое знакомство с его творчеством. И я даже немного завидую этим «первооткрывателям»: им ещё предстоит множество открытий, открытий, радости и слёз... Колычев касается сердца, и это прикосновение навсегда остаётся в памяти...

Ирина Рогозина. Фото автора.